

Научная статья

УДК 81-11

doi: 10.17223/1998863X/75/5

КОНТЕКСТНЫЕ РОЛИ В СИТУАЦИОННОЙ СЕМАНТИКЕ ДЖ. БАРВАЙСА И ДЖ. ПЕРРИ. ПУТЬ К ЗНАЧЕНИЮ ЧЕРЕЗ ЭПИСТЕМОЛОГИЮ И ПРАГМАТИКУ

Анна Юрьевна Моисеева

Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия, abyssian03@gmail.com

Аннотация. Рассматривается аппарат контекстных ролей, использующийся в ситуационной семантике Дж. Барвайса и Дж. Перри для формализации значения индексикалов и демонстративов, а также для решения более широких объяснительных задач, связанных с прагматическим анализом контекстов. Продемонстрировано, что анализ в терминах ролей позволяет объяснять не только значение контекстно-зависимых выражений, но и транзит между контекстами в процессе коммуникации с сохранением содержания высказывания. Раскрыта глубокая взаимосвязь в рамках данного подхода между семантикой, с одной стороны, прагматикой и эпистемологией, с другой, а затем предложен способ отграничения семантики от смежных дисциплин на уровне приложения теории к конкретным задачам.

Ключевые слова: индексикалы и индексикальность в языке, контекст, эпистемическая перспектива, семантика и прагматика

Для цитирования: Моисеева А.Ю. Контекстные роли в ситуационной семантике Дж. Барвайса и Дж. Перри. Путь к значению через эпистемологию и прагматику // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 49–63. doi: 10.17223/1998863X/75/5

Original article

CONTEXTUAL ROLES IN SITUATION SEMANTICS OF JON BARWISE AND JOHN PERRY. THE WAY TO MEANING THROUGH EPISTEMOLOGY AND PRAGMATICS

Anna Yu. Moiseeva

*Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Novosibirsk, Russian Federation, abyssian03@gmail.com*

Abstract. The article deals with the apparatus of contextual roles used in the situation semantics of Jon Barwise and John Perry to formalize the meaning of indexicals and demonstratives, as well as to solve broader explanatory tasks related to the pragmatic analysis of contexts. The article shows that analysis in terms of roles makes it possible to explain not only the meaning of context-dependent expressions, but also the transit between contexts in the process of communication while preserving the content of the statement. A deep relationship is revealed within the framework of this approach between semantics, on the one hand, and pragmatics and epistemology, on the other, and then a way is proposed to delimit semantics from related disciplines at the level of application of theory to specific tasks.

Keywords: indexicals and indexicality in language, context, epistemic perspective, semantics and pragmatics

For citation: Moiseeva A.Yu. (2023) Contextual roles in situation semantics of Jon Barwise and John Perry. The way to meaning through epistemology and pragmatics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 75. pp. 49–63. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/75/5

Введение

Как принято считать, в рамках философии семантическая традиция начала развиваться после Канта и во многом в полемике с его идеей, что интуиция играет важную роль в нашем понимании концепций и оперировании ими¹. Для того чтобы вывести концепции из сферы психологии, требовалось найти для них некоторую другую сферу, и эта сфера была найдена в семантике. С давних пор формальная логика включала развитую теорию соотношения понятий и суждений, которая убеждала в том, что слова и предложения языка не просто используются людьми так, как им заблагорассудится, но что они что-то *значат* сами по себе. Теперь возникла потребность в том, чтобы объяснить, *как* они значат. Поэтому эталонным объектом исследования становились такие фрагменты языка, которые можно было рассматривать как своеобразную «отдельную реальность», отношения которой с реальностью вещей, с миром составляли главный вопрос философии языка. Человек как носитель языка из этой картины несколько выпадал.

Вследствие указанной тенденции вне сферы внимания философов языка долгое время оставались все те языковые средства, функция которых состоит в первую очередь в удовлетворении каких-то ситуативных потребностей коммуникации. В частности, выражения вроде «я», «ты», «здесь», «сейчас», «этот», «тот» и некоторые другие – те, которые лингвисты относят к категориям индексикалов и демонстративов (или индексикалов «в широком смысле», границы которого очертил Дж. Перри в [2. Р. 70]), т.е. выражения, значение которых зависит от контекста, – были, несмотря на их очевидную повсеместность и необходимость в любом языке², достаточно поздно осмыслены как такие, о которых семантику требуется думать, чтобы понимать, что язык собой представляет и как он работает. Впрочем, из этой тенденции существует ряд примечательных исключений, об одном из которых речь и пойдет в настоящей статье.

Индексикалы и демонстративы занимают важное, можно даже сказать, центральное место в такой теории значения, как ситуационная семантика Дж. Барвайса и Дж. Перри [3] (см. также [4]). Будучи проектом, альтернативным классической условно-истинностной семантике, ситуационная семантика с самого начала ставила себе задачу адекватного учета не только описательной, обозначающей функции языка, но и его практической, регулирующей деятельность людей функции. Для этой теории важно не само по себе значение языковых выражений, а то, как люди понимают это значение и зачем они его используют, *что* обозначается и *зачем* обозначается. Такое понимание семантики сближает ее с прагматикой, и это, конечно, вполне осознается ее авторами.

¹ Так происхождение семантической традиции в философии объясняется, например, в [1].

² Согласно некоторым лингвистическим концепциям (см. метод так называемой «глоттохронологии», впрочем, дискуссионный среди лингвистов), индексикалы, в частности личные местоимения, присутствуют во всех естественных языках и входят в то «ядро» лексики, которое является наиболее древним и наименее подвержено изменениям с течением времени.

Цель моей статьи – показать, как в рамках ситуационной семантики эксплуатируется понятие контекстной роли, возникающее впервые именно в контексте обсуждения семантики индексикалов и демонстративов, а в дальнейшем оказывающееся одним из ключевых семантических понятий. Мой тезис состоит в том, что в рамках ситуационной семантики контекстные роли понимаются как позиции в некоей структуре, предназначенной в первую очередь для анализа прагматических аспектов функционирования языка, но затем становящейся средством анализа собственно значения. В конце статьи будет затронут вопрос о том, есть ли возможность сохранения в рамках такого подхода различных сфер «юрисдикции» за семантикой и прагматикой, а если такая возможность есть, то где проходит граница между ними.

1. Понятие значения в ситуационной семантике

Начну с некоторых предварительных общих замечаний. Ситуационная семантика Дж. Барвайса и Дж. Перри – это теория значения, в которой язык принципиально не отделяется от мира (модели), как это происходит при более традиционном подходе. Языковые выражения трактуются в ней как вещи того же порядка, что и объекты и явления окружающей действительности, и между этими вещами существуют разнообразные отношения, одним из которых является отношение обозначения. Обозначать, согласно Барвайсу и Перри, можно не только посредством языка и лингвистических конвенций, но и посредством явлений внелингвистической природы, связанных с некоторыми другими явлениями («обозначаемым») известными естественными закономерностями. Например, дым может обозначать огонь, если имеется известная закономерность, что всегда, когда в некотором месте присутствует дым, там должен присутствовать и огонь [3. Р. 12]. Такие известные закономерности называются в ситуационной семантике *ограничениями* (constraints).

Таким образом, с точки зрения ситуационной семантики значение является одним из видов ограничений. Покажем на простом примере, как работает этот вид ограничений. Пусть имеется предложение «Джон белый»¹. Коль скоро мы задаемся целью проинтерпретировать это предложение, мы предполагаем, что оно произнесено или могло бы быть произнесено в какой-то ситуации, которая в терминах ситуационной семантики должна быть названа *ситуацией дискурса*. Минимальное описание этой ситуации выглядит следующим образом:

$D :=$ в \dot{l} : говорит, \dot{a} ; да произносит, \dot{a} , ДЖОН БЕЛЫЙ; да.

Здесь D – это тип ситуации, примерами которого может быть множество ситуаций d_0, d_1, \dots, d_n , каждая из которых может отличаться от других в деталях, однако иметь общую с другими структуру, а именно: в каждой из этих ситуаций в некоторой пространственно-временной локации \dot{l} некоторый агент \dot{a} произносит предложение «Джон белый»². Точки над буквами отли-

¹ Здесь под словом «белый» понимается не социально-политическая категория, как этот термин используется в современной социологии рас, а исключительно внешний отличительный признак – светлый цвет кожи.

² Для полноты описания можно было бы еще задать параметр языка, поскольку, вообще говоря, из нашего описания не видно, что агент говорит именно по-русски (в каком-то другом языке может быть предложение, строго совпадающее по звучанию с русским предложением «Джон белый»). Однако вместо этого просто условимся, что по умолчанию в нашей теоретической установке все предложения, которые кто-то произносит, являются русскими предложениями. Пара дополнительных замечаний по поводу возможности введения такого параметра будет дана ближе к концу статьи.

чают переменные, или *неизвестные* (indeterminates), в терминологии ситуационной семантики, от констант¹. Посредством замены неизвестных на константы из типа ситуации D можно получать более «насыщенные» типы, например такие:

- $D_1 :=$ в l : говорит, a ; да
произносит, a , ДЖОН БЕЛЫЙ; да,
 $D_2 :=$ в l : говорит, a ; да
произносит, a , ДЖОН БЕЛЫЙ; да,
 $D_3 :=$ в l : говорит, a ; да
произносит, a , ДЖОН БЕЛЫЙ; да.

Здесь l обозначает какую-то конкретную пространственно-временную локацию, например аэропорт Вашингтона 16 августа 2023 г., а a обозначает конкретного агента, например Алису. Если принять такие обозначения, то D_3 будет типом ситуации, где Алиса произносит предложение «Джон белый» в аэропорту Вашингтона 16 августа 2023 г. Предположим, что именно такого типа наша ситуация дискурса. Обозначим эту ситуацию d .

Чтобы понять высказывание Алисы, нам нужно быть знакомыми с ограничением, определяющим значение предложения, которое она произнесла. В минимальном виде соответствующее ограничение можно сформулировать следующим образом:

$C :=$ в l_u : предполагает, D , E ; да,

где

$E :=$ в l : белый, b ; да
именуется, b , Джон; да.

Здесь под l_u понимается универсальная пространственно-временная локация, т.е. условное «везде и всегда»².

Однако знать ограничение C недостаточно, чтобы адекватно понять высказывание Алисы, т.е. понять, каковы характеристики той ситуации, которую Алиса имеет в виду, – в ситуационной семантике эта ситуация называется *фокусной ситуацией*. В самом деле, тип E описывает фокусную ситуацию просто как ситуацию, где на протяжении какого-то промежутка времени кому-то по имени Джон присуще свойство белизны. При этом, поскольку в русском предложении «Джон белый» прямо не выражено указание на то, о каком промежутке времени идет речь, можно подумать, что это может быть какой угодно промежуток времени. Однако компетентный русскоговорящий слушатель должен был бы понять кое-что об этом промежутке времени по тому, чего *не* сказала Алиса. В самом деле, если бы Джон, к примеру, на момент высказывания уже умер, Алиса сказала бы: «Джон *был* белым», – а если бы Джон еще не родился (скажем, он находился бы на стадии эмбрионального развития, но его уже называли бы его Джоном – такое вполне можно себе представить), то Алиса сказала бы: «Джон *будет* белым». Поэтому компетентный слушатель должен был бы извлечь больше информации из высказывания Алисы, применив более жесткое ограничение

¹ В языке ситуационной семантики используется три вида неизвестных – неизвестные для объектов, неизвестные для отношений и неизвестные для пространственно-временных локаций. Неизвестные для отношений в данной статье использоваться не будут.

² Для простоты будем игнорировать то обстоятельство, что лингвистические конвенции существовали не вечно и будут существовать тоже не вечно, что языки возникают и изменяются.

$C_1 :=$ в l_u : предполагает, D, E_1 ; да,

где

$E_1 :=$ в l : белый, b ; да
именуется, b , Джон; да
 $l \circ l$.

Здесь символ \circ означает перекрывание по времени – в данном случае та локация, в которой имеет место какая-то ситуация типа E_1 , перекрывает по времени ту локацию, в которой имеет место ситуация дискурса d . Проще говоря, компетентный слушатель понял бы по высказыванию Алисы, что она имеет в виду промежуток времени, который длится, т.е. уже начался и еще не закончился.

Ограничение C_1 может быть еще «насыщено», если мы, например, знаем, о каком именно человеке говорит Алиса. В этом случае мы можем сформировать тип ситуации, в котором этот человек будет фигурировать непосредственно, а не только быть описанным как кто-то, именуемый Джоном. Тогда для нас высказывание Алисы будет интерпретироваться с использованием следующего ограничения:

$C_2 :=$ в l_u : предполагает, D, E_2 ; да,

где

$E_2 :=$ в l : белый, j ; да
 $l \circ l$.

Здесь константа j означает Джона.

Если мы знакомы с ограничением C_2 , мы достигаем такой полноты описания ситуации, подразумеваемой Алисой, больше которой уже невозможно получить, если не иметь непосредственного эпистемического доступа к этой ситуации, т.е. не самой Алисой. Так, только сама Алиса может описать фокусную ситуацию как ситуацию типа

$E_3 :=$ в l_1 : белый, j ; да,

поскольку только она может точно знать, о каком именно промежутке времени она говорит.

То, что максимальная полнота понимания недоступна стороннему наблюдателю, может показаться серьезным препятствием для коммуникации, но это не так. Нам не нужно указывать точные границы своих понятий, достаточно достигать согласия по всем релевантным случаям. С другой стороны, зачастую для стороннего наблюдателя даже ограничения вида $C - C_2$ недоступны, поскольку этот наблюдатель может не знать каких-то параметров ситуации дискурса, необходимых для формулирования таких ограничений. Например, он может не знать, где и когда Алиса произнесла предложение «Джон белый». Он может не знать даже, что это была именно Алиса.

В подобных случаях могут помочь ограничения, еще менее «насыщенные», чем C , в которых локация дискурса не указывается прямо, а описывается просто как *какая-нибудь* локация дискурса. Для такого ее описания в ситуационной семантике используется тип неизвестных, которые имеют специальное название «контекстные роли» и определяются следующим образом:

1. Если x – неизвестная, E – тип ситуации, то $\langle x, E \rangle$ есть также неизвестная, которая называется *ролью* и обозначается x_E .

2. Под *контекстной ролью* следует понимать такую роль, которая образует часть контекста какого-либо высказывания a .

Например, контекстная роль говорящего, или *агента* высказывания («я»), описывается так:

$$i^* = \langle \dot{a}, D \rangle,$$

где

$D :=$ в \dot{l} : говорит, \dot{a} ; да
произносит, \dot{a} , \dot{a} .

Все контекстные роли обозначаются буквами с точкой сверху в жирном начертании. Кроме роли агента, используется роль слушателя, или *адресата* высказывания («ты», обозначается \dot{j}), роль *локации* высказывания («здесь и сейчас», обозначается \dot{h}), а также роль самого произносимого *предложения* (обозначается $\dot{\alpha}$)¹.

Чтобы получить ограничение, помогающее понять высказывание Алисы, без знания того, где, когда и кем оно произнесено, нужно заменить в каком-то из ограничений ряда $C - C_2$ неизвестные параметры на соответствующие контекстные роли. Например, если мы произведем такую замену в C_1 , то получим ограничение

$$C_1^* := \text{в } l_{\dot{a}}: \text{предполагает, } D^*, E_1^*; \text{ да,}$$

где

$D^* :=$ в \dot{h} : говорит, \dot{i}^* ; да
произносит, \dot{i}^* ; ДЖОН БЕЛЫЙ; да,
 $E_1^* :=$ в \dot{l} : белый, \dot{b} ; да
именуется, \dot{b} , Джон; да
 $\dot{l} \circ \dot{h}$.

Ограничения, подобные C_1^* , называются в ситуационной семантике *индексированными ограничениями* [З. Р. 115]. Согласно идее Барвайса и Перри, именно индексированные ограничения являются наиболее полезными инструментами для понимания того, как информация передается между агентами в процессе лингвистической коммуникации. Применительно к нашему случаю можно сказать, что тип ситуации E_1^* , использующийся в ограничении C_1^* , выражает не что иное как «чистое» лингвистическое значение предложения «Джон белый», не «насыщенное» никакими контекстуальными факторами. И когда вы или я видим это предложение написанным на бумаге, в качестве вырванного из контекста примера, то мы актуализируем именно это ограничение, чтобы понять, как написанное должно было бы интерпретироваться, если бы оно было высказано в *каком-нибудь* контексте. В этой универсальности большое преимущество индексированных ограничений: и вы, и я понятия не имеем об Алисе и ее обстоятельствах, но мы все же можем сойтись в том, что данное предложение означает.

Еще более полезными индексированные ограничения становятся тогда, когда предложение, которое нужно проинтерпретировать, содержит явные примеры контекстно-зависимых выражений – индексикалы и демонстративы. Рассмотрим пример. Допустим, Алиса в той же самой локации l произносит «Мой босс белый». Очевидно, что у Алисы за всю ее жизнь может быть более одного босса, однако тот, о ком она говорит, – это человек, являющийся ее боссом именно в l . Если мы знаем, что она произносит это предложение в l и что в этот момент ее боссом является, допустим, Джон, то мы можем полу-

¹ Некоторые из обозначений здесь и далее введены мной.

читать максимально «насыщенное» содержание высказывания Алисы, которое будет задаваться уже использованным выше ограничением C_2 . Однако предположим, что нам неизвестно, когда именно произносится предложение «Мой босс белый», и известно, что это именно Алиса его произносит. Это значит, что, даже если мы точно знаем, кто является боссом Алисы в l , мы не можем использовать эту информацию. Зато мы можем получить менее «насыщенное» содержание, заменив неизвестные параметры на контекстные роли:

$C^{**} :=$ в l_u : предполагает, D^{**} , E^{**} ; да,

где

$D^{**} :=$ в h : говорит, i' ; да
произносит, i ; МОЙ БОСС БЕЛЫЙ; да,

$E^{**} :=$ в l : босс, b , i' ; да

белый, b ; да

$l \circ h$.

Такое содержание – в одной из более поздних работ Дж. Перри [5] (см. также: [6]) оно называется *рефлексивным содержанием*, поскольку если попытаться выразить его в подходящей метаязыковой формуле, то там всегда будет присутствовать компонент «это высказывание» – обладает всей необходимой точностью, поскольку, если задать контекст, оно позволяет однозначно идентифицировать все объекты и локации, упомянутые в высказывании «Мой босс белый». При этом оно позволяет, причем даже без знания контекста, делать некоторые выводы относительно возможного поведения агента в связи с тем, что было им сказано. Например, это содержание позволяет объяснить, почему Алиса, встречая своего босса в аэропорту, не будет обращать внимания на темнокожих людей в толпе. По мысли Перри, посредством определения рефлексивного содержания высказывания мы узнаем некоторые характеристики ситуации его произнесения, существенные с прагматической точки зрения, причем узнаем о них так, как их представляет сам агент, вот почему именно рефлексивное содержание наиболее эффективно при объяснении поведения этого агента.

Теперь предположим, что Борис произносит то же самое предложение «Мой босс белый» на стадионе Лужники 16 августа 2003 г. Очевидно, что «насыщенное» содержание данного высказывания Бориса отличается от «насыщенного» содержания высказывания Алисы – даже если у них один и тот же босс, скажем, Джон, свойство белизны приписывается ему в разное время, а значит, у двух этих высказываний разные условия истинности. Однако рефлексивное содержание высказывания Алисы, заданное ограничением C^{**} , является также рефлексивным содержанием высказывания Бориса, поэтому мы можем ожидать от Бориса сходного поведения в сходных ситуациях, например если Борис так же, как и Алиса, пытается узнать своего босса в толпе. И, шире, в любом контексте, где кто-то произносит предложение «Мой босс белый», мы можем предполагать, что имеет место ситуация, где босс этого человека является белым в промежутке времени, перекрывающем момент произнесения, и ожидать от этого человека поведения, в определенных чертах сходного с поведением Алисы и Бориса. Как видно, индексированное ограничение позволяет нам получить такое описание фокусной ситуации, которое вскрывает общность всех случаев произнесения одного и того

же предложения разными людьми в разное время. Именно в этом, согласно Барвайсу и Перри, заключается их главный смысл.

2. Контексты как структуры

Вообще тот или иной учет параметров контекста – явление в семантике, конечно же, несколько не уникальное. Еще в конце 1970-х гг. Д. Каплан предложил свою семантику для фрагмента естественного языка, включающего такие индексикалы или «демонстративы», по Каплану, как «я», «здесь», «сейчас» и некоторые другие [7] (см. также: [8]). С точки зрения этой семантики контекст задается как кортеж, состоящий из объектов, а также пространственных и временных локаций (у Каплана место и время считаются разными параметрами контекста). Каждое из мест кортежа соответствует одному из параметров. Минимальный контекст состоит из индивида, места и времени, которые считаются агентом, местом и временем высказывания соответственно; количество параметров можно увеличивать. Семантика Каплана позволяет определять точно значения предложений с индексикалами, а также выводить некоторые нетривиальные свойства таких предложений, например истинность во всех контекстах предложения «Я здесь сейчас»¹. Однако особенность подхода к формализации контекстов в ситуационной семантике по сравнению с подходом Каплана состоит в том, что контекст понимается не просто как набор каких-то параметров, а как структура со своими внутренними взаимосвязями, которые позволяют объяснить, что происходит с информацией в процессе ее транзита от одного контекста к другому. В данном разделе я надеюсь это показать.

Во-первых, если посмотреть внимательно на то, как определяются контекстные роли у Барвайса и Перри, становится ясно, что каждая роль потенциально способна порождать целый контекст. Поскольку роль – это пара из неизвестной и типа ситуации, в описание которого входит эта неизвестная, каждая роль сама по себе уже является в свернутом виде описанием того, что происходит или может происходить с объектом, играющим эту роль, или с локацией, соответственно. В этом описании роли жестко взаимосвязаны друг с другом и определяются друг через друга, и как только проявляется маркер одной из них, сразу же возникают и все остальные роли, необходимые для описания ситуации указанного типа. Даже если некоторые или все эти роли не заполнены конкретными объектами или локациями, они присутствуют как абстракции. Так, мы можем не знать, где и когда осуществляется высказывание Алисы о белизне Джона, но мы знаем, что оно осуществляется *где-то и когда-то*.

Во-вторых, коль скоро в контекст как ситуацию вовлекаются и другие объекты или локации, для них также оказывается возможным сформировать роли, производные от тех ролей, которые были определены ранее. Например,

¹ Существует дискуссия о том, действительно ли не может быть таких контекстов, в которых данное предложение ложно. В российском философском сообществе популяризацией этой дискуссии занимается О.А. Козырева [9], которая встает на точку зрения противников Д. Каплана. С ней полемирует Е.В. Борисов, который выступает в защиту каплановской семантики и объясняет все примеры, приводимые О.А. Козыревой вслед за цитируемыми ею авторами, прагматически [10, 11]. В этой дискуссии я солидарна с Е.В. Борисовым.

если уже определен контекст высказывания α , в котором заведомо имеется некий агент, то далее можно легко определить роль объекта высказывания:

$B: = \langle \bar{b}, D \rangle$,

где

$D :=$ в \bar{I} : говорит, \bar{a} ; да

произносит, \bar{a} , α ; да

подразумевает, \bar{a} , \bar{b} ; да.

Обратим внимание, что здесь не дается никаких конкретных критериев, помогающих определить, когда агент подразумевает в своем высказывании данный конкретный объект. Выработка таких критериев является задачей прагматики, а не семантики. Здесь лишь сказано, что объектом высказывания *по определению* является объект, подразумеваемый агентом. Таким образом, если слушатель хочет понять, к какому объекту отсылает местоимение «он», «она» или «оно», произнесенное говорящим, он должен, сообразуясь с какими-нибудь из известных ему критериев, выделить некоторый объект как такой, который подразумевается говорящим в данном контексте. Очень часто, чтобы это сделать, слушателю нужно найти или реконструировать некую дополнительную ситуацию – она называется *ресурсной ситуацией*, – которая является эпистемически доступной для агента и из которой он может «извлечь» необходимый объект. Различные лингвистические маркеры показывают, какая это может быть ситуация и какими характеристиками должен обладать объект, чтобы подходить для выполнения роли объекта данного конкретного высказывания. Бывает и наоборот: слушатель полностью или частично знает ресурсную ситуацию заранее и, «извлекая» объект из нее, чтобы «насытить» этим объектом содержание высказывания, может таким образом получить некоторую информацию, не входящую в собственно лингвистическое значение высказывания.

В-третьих, при адаптации содержания высказывания и для передачи его какому-то третьему лицу слушатель осуществляет транзит между контекстами, заменяя одни роли другими. Так, если в первоначальном высказывании он выполнял роль адресата, то при передаче его содержания он должен говорить о себе уже как об агенте, а как об адресате – об этом третьем лице. Если же он просто отвечает агенту, то адекватный транзит содержания предполагает, что они должны обменяться ролями. Имеются определенные правила транзита и для перехода между пространственно-временными локациями. Так, при передаче содержания высказывания на следующий день после того, как оно было сделано, день, выполняющий в первоначальном высказывании роль сегодняшнего, в новом высказывании должен выполнять уже роль вчерашнего. Все эти правила являются частью описания соответствующих ролей, и если кто-то не знает их, то нельзя сказать, что он полностью усвоил значения слов, именующих эти роли, даже если этот человек способен правильно определить, на какой объект или локацию указывают данные слова в изначальном высказывании¹.

Будет полезно разобрать все это на еще одном примере. Предположим, Алиса и Борис находятся на вечеринке, где присутствует много людей, не все из которых знакомы между собой. Показывая куда-то за спину Бориса, Алиса

¹ Детально о способах сохранения информации при транзите между контекстами см.: [12].

говорит: «С ним я знакома, это мой босс». Борис не видит человека, на которого показывает Алиса, однако как компетентный носитель языка может получить из произнесенного Алисой предложения некоторую информацию о нем, а именно что этот человек фигурирует в ресурсной ситуации типа¹

$E^{***} := \text{в } \dot{h}: \text{присутствует, } \dot{b}; \text{ да}$

$\text{в } \dot{l}: \text{мужчина, } \dot{b}; \text{ да}$

$\dot{l} \circ \dot{h}.$

Принимая буквально содержание высказывания Алисы, Борис понимает также, что человек, о котором говорит Алиса, знаком с ней и является ее боссом, т.е. имеет место фокусная ситуация типа

$E_1^{***} := \text{в } \dot{l}: \text{знакомы, } \dot{b}, \dot{i}'; \text{ да}$

$\text{босс, } \dot{b}, \dot{i}'; \text{ да}$

$\dot{l} \circ \dot{h}.$

Предположим далее, что Борис оборачивается и видит, что там, куда показала Алиса, стоит несколько женщин и только один мужчина, в котором Борис узнает своего давнего знакомого Джона. Поскольку Борис знает, что человек, о котором говорила Алиса, должен быть мужчиной, он понимает, что это и есть Джон, т.е. ресурсная ситуация принадлежит не только к типу E^{***} , но еще и к типу

$E_2^{***} := \text{в } l_u: \text{тождественны, } j, \dot{b}; \text{ да.}$

Далее, «извлекая» Джона из ресурсной ситуации и «насыщая» им содержание высказывания Алисы, Борис приходит к выводу, что фокусная ситуация принадлежит также к типу

$E_3^{***} := \text{в } \dot{l}: \text{знакомы, } j, \dot{i}'; \text{ да}$

$\text{босс, } j, \dot{i}'; \text{ да}$

$\dot{l} \circ \dot{h}.$

После этого Борис может ответить Алисе: «Я знаком с твоим боссом, это Джон». Для этого ему нужно осуществить транзит полученной от Алисы информации из одного контекста другой и добавить к ней свою собственную информацию, что он и делает, утверждая наличие ситуации типа

$E^{****} := \text{в } \dot{l}: \text{знакомы, } \dot{i}', \dot{b}; \text{ да}$

$\text{босс, } \dot{b}, \dot{y}; \text{ да}$

$\text{в } l_u: \text{тождественны, } j, \dot{b}; \text{ да}$

$\dot{l} \circ \dot{h}.$

Здесь \dot{i}' означает уже не Алису, а Бориса, а \dot{y} означает Алису, поскольку именно для нее предназначено высказывание Бориса.

Обратим внимание, что информация о рабочих отношениях Алисы и Джона, которую Борис узнает, не сообщается ему Алисой в готовом виде. Она выводится из сопоставления рефлексивного содержания высказывания Алисы с дополнительной информацией, уже известной Борису. Такое сопоставление становится возможным только потому, что Борис способен отождествить мужчину, которого он видит и распознает как Джона, с боссом Алисы, а это, в свою очередь, возможно только потому, что Борис понимает, что данный мужчина играет в содержании высказывания Алисы роль объекта. В своем ответе Алисе Борис артикулирует установленное им тождество и сообщает о том, откуда он получил свою дополнительную информацию. Чтобы это сде-

¹ Формализацию ситуации дискурса здесь и далее я опущу.

вать, он формирует новый контекст и привязывает к ролям этого контекста, во-первых, одно из мест предиката «быть знакомым», во-вторых, одно из мест предиката «быть боссом» – последнее на основании обработки предыдущей контекстуальной привязки информации, сообщенной ему Алисой.

Все эти операции при взгляде на них с точки зрения ситуационной семантики выглядят как работа со структурами. Характерным признаком структур является то, что замена элементов в них при сохранении неизменного соотношения между этими элементами сохраняет структуру, что мы и наблюдаем в случае контекстов. Так, кем бы ни были агент и адресат, чтобы в своем ответе указать на того же человека, о котором агент говорит «мой босс», адресат должен сказать «твой босс», и наоборот. Индексикалы «я» и «ты» могут указывать даже на одного и того же человека в случае, если этот человек разговаривает сам с собой, и коммуникация все равно останется структурированной: «мои» реплики не будут путаться с «твоими» именно за счет того, что «я» и «ты» – это не индивиды, а роли. То же касается демонстративов. Выражения типа «этот мужчина» аналогично выражениям типа «он» (he) могут иметь неопределенный референт, если они употребляются в ситуации, где нет ни одного мужчины или есть несколько мужчин, среди которых невозможно определить того, о котором идет речь. Тем не менее они всегда имеют интуитивно понятный смысл, состоящий в том, что говорящий подразумевает какой-то объект, реальный или воображаемый, о котором он думает, что это мужчина. Когда требуется, для такого объекта можно завести роль в контексте, и даже если эта роль не может быть адекватно «насыщена», высказыванию все равно можно приписать нормальное, вполне интеллибельное рефлексивное содержание.

Более того, Барвайс и Перри считают [3] (см. также: [13]), что список контекстуальных факторов далеко не исчерпывается теми ролями, которые участвуют в производстве лингвистического значения таких выражений, как индексикалы и демонстративы. Многие высказывания содержат скрытые индексикальные компоненты, которые используются для кодирования и извлечения информации, дополнительной к собственно лингвистическому значению произнесенного предложения. Например, в тех случаях, когда в высказывании используется собственное имя, оно может скрыто указывать на ту эпистемическую перспективу, в которой была получена информация об объекте, именуемом так. Этот вид указания используется в ситуационной семантике при решении различных вариантов головоломки Фреге. Не вдаваясь здесь в эту тему, которая была подробно рассмотрена мной ранее [14], отмечу лишь, что эпистемическая перспектива является с точки зрения ситуационной семантики не просто способом получения агентом знаний об объекте, но способом идентификации объекта, вносящим вклад в значение произносимого этим агентом предложения с собственным именем подобно тому, как эпистемическая перспектива «от первого лица» вносит вклад в значение предложения «Мне больно».

Также фонетическая или графическая форма использованных слов скрыто указывает на язык говорящего. Это указание выходит на поверхность тогда, когда в коммуникации тем или иным способом нарушается имплицитная установка, что говорящий и слушатель используют один и тот же язык. Так, если на моей улице некто подойдет ко мне и скажет: «My name is John», –

я в явном виде сделаю из его слов не только тот вывод, что его зовут Джон, но еще и тот, что мой собеседник говорит по-английски, поскольку в обычной жизни для меня английский – не тот язык, коммуникации на котором я ожидаю по умолчанию. То же самое произойдет и тогда, когда в какой-то другой стране, где русскоговорящие не составляют большинство населения, кто-то заговорит со мной по-русски, потому что там, наоборот, я не буду по умолчанию ожидать встретить русскоязычного собеседника¹. В этом смысле язык высказывания можно рассматривать как один из параметров контекста. Правда, если рассматривать его так, придется признать, что семантическая теория является не теорией какого-то конкретного языка, а теорией «языка вообще» или, точнее, лингвистической коммуникации вообще, что может быть сочтено кем-то необоснованным и чрезмерным расширением задач семантики.

Таким образом, на определенном этапе применения данного подхода естественно возникает вопрос о возможности сохранения в рамках ситуационной семантики самого понятия семантики как такового, а также о возможности и целесообразности проведения границы между ситуационной семантикой и прагматикой. Рассмотрению этого вопроса будет посвящен последний раздел статьи.

3. Семантика или прагматика?

В 2022 г. в рамках круглого стола XX Международной конференции молодых ученых в области гуманитарных и социальных наук «Языки и смысл» состоялась дискуссия о разграничении семантики и прагматики в теории естественного языка, отдельные результаты которой см.: [16–18]. В этой дискуссии я, с опорой на работы Дж. Перри 1993 и 2001 гг., заняла срединную позицию, заключающуюся в том, что разграничение между семантикой и прагматикой можно и нужно сохранить, однако семантику можно понимать расширенно. Такое расширенное понимание включает в ее предмет не только то условие истинности предложения, которое выражается так называемой расселовской пропозицией и считается значением при традиционном условии-истинностном подходе, но и все условия истинности, которые выражаются пропозициональными функциями от различных параметров контекста, вычисляемыми по универсальным правилам. Сами контексты при этом предъявлены в виде формализованных данных, и все в них, что не укладывается в определенную правилами форму, заведомо игнорируется. Значение при таком подходе представляет собой множество пропозициональных функций, каждая из которых с равным основанием может претендовать на роль правильного понимания высказывания, и выбор между этими пропозициональными функциями осуществляется слушателем.

На долю прагматики тогда остается работа с дополнительной экстралингвистической информацией, первая и обязательная цель которой состоит в том, чтобы установить, в каком контексте требуется интерпретировать данное предложение и какие из контекстуальных ролей следует «насытить» факторами данного контекста. Другими целями прагматики, опционально при-

¹ В книге К. Корты и Дж. Перри [15. Р. 1–3] приводится любопытный пример того, к каким недоразумениям могут привести имплицитные ожидания такого рода, если оказывается, что двум различным фразам на двух различных языках присуща одна и та же внешняя форма.

существующими применительно к конкретному предложению, являются установление интенции говорящего, вычисление различных импликатур, исследование перформативных эффектов и т.д. В целом мой тезис состоял в том, что семантика занимается зависимостями между истинностью высказываний и ситуациями, в которых они произносятся; прагматика же занимается зависимостями между употреблением высказываний и информацией, которая с их помощью передается. Используя прямую цитату, «семантические правила задают спектр вариантов значения, а прагматические факторы определяют, какой из вариантов выбрать для интерпретации высказывания в процессе коммуникации» [18. С. 158].

Если рассмотреть материал настоящей статьи с этой позиции, то становится ясно, что аппарат контекстных ролей все время несет двойную нагрузку. С одной стороны, он выступает как нейтральный формализм, с помощью которого значения могут вычисляться даже компьютером. С другой стороны, он претендует на то, чтобы структурировать ситуации именно так, как они выглядят для агентов, которые их распознают и в них действуют. Иначе говоря, он является инструментом как семантики, так и прагматики. Причем прагматика здесь, как видно, первична, поскольку само по себе вычисление значения индексикальных выражений может производиться и без какого-либо анализа внутреннего устройства контекстов и способов перехода между ними (хорошим примером здесь является семантика демонстративов Д. Каплана). Можно дополнительно усилить этот тезис, сказав, что в рамках теории контекстных ролей путь к семантике начинается даже не с прагматики, а с эпистемологии, потому что еще до исследования контекстов Барвайс и Перри постулируют перспективный характер всякого знания, что и приводит их в конечном счете к их теории информационного транзита между контекстами.

Тем не менее если не в области теории, то в области ее применения какую-то границу семантики все же можно провести. Так, когда мы говорим о том, как интерпретировать высказывание в заданном контексте, используя роли, очевидно, это самая настоящая семантика. И когда мы говорим о том, как осуществлять транзит между контекстами с сохранением содержания высказывания, это тоже семантика. И даже когда мы говорим о том, какие выводы могут быть сделаны из высказывания, если рассматривать язык как один из контекстуальных факторов, это, по-видимому, все еще семантика *do tex por*, пока не затрагивается вопрос, почему в той или иной ситуации слушатель склонен делать именно эти, а не иные возможные выводы. Вопрос о склонностях уже относится, скорее, к сфере прагматики, потому что он требует анализа фоновой информации, не отраженной ни в языковом материале, который непосредственно рассматривается, ни в формализованных данных, представляющих семантический контекст. Когда же мы переходим к вопросам об эпистемических перспективах и о том, как слушатель должен был бы понять высказывание, чтобы извлечь из него именно ту информацию, которая вкладывается в него агентом, мы полностью находимся вне семантики – в сфере эпистемологии, прагматики или какой бы то ни было еще.

Таким образом, я полагаю обоснованной точку зрения, что ситуационная семантика является полноценной семантической теорией, в которой присут-

ствуется мощный аппарат для работы с индексикалами и индексикальностью. Этот аппарат – контекстные роли – обладает большим объяснительным потенциалом не только в рамках семантики, но и за ее пределами. Вместе с тем он позволяет сохранить разграничение между семантикой и прагматикой, поскольку может с равным успехом применяться и для решения задач теории коммуникации, и для решения более узкого круга задач, связанных только с теорией значения в традиционном смысле этого термина.

Список источников

1. Koffa J.A. *Semantic Tradition from Kant to Carnap*. Cambridge : Cambridge University Press, 1991.
2. Perry J. *Reference and Reflexivity*. 2nd ed. Stanford, CA : CSLI Publications, 2012.
3. Barwise J., Perry J. *Situations and Attitudes*. Cambridge, MA, London : MIT Press, 1983.
4. Barwise J. *The Situation in Logic* // CSLI Lecture Notes. Stanford : Center for the Study of Language and Information, 1989. No. 17.
5. Perry J. *Knowledge, Possibility and Consciousness*. Cambridge, MA : MIT Press, 2001.
6. Perry J. *Individuals in Informational and Intentional Content* // *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 279–300.
7. Kaplan D. *On the Logic of Demonstratives* // *Journal of Philosophical Logic*. 1979. Vol. 8. P. 81–98.
8. Kaplan D. *Demonstratives*. Themes from Kaplan / ed. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford : Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
9. Козырева О.А. Проблема референции индексикалов: возможные подходы // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 67. С. 269–281.
10. Борисов Е.В. Индексикалы, семантика и прагматика // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2022. № 67. С. 292–298.
11. Борисов Е. В. Семантический и прагматический аспекты индексикальных выражений // *Respublica Literaria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 23–30.
12. Perry J. *Belief and Acceptance* // *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays*. New York ; Oxford : Oxford University Press, 1993. P. 53–64.
13. Barwise J. *Constraints, Channels, and the Flow of Information* // *Situation Theory and Its Applications*. CSLI Lecture Notes. Stanford : Center for the Study of Language and Information, 2003. Vol. 3. No. 37 P. 3–27.
14. Моисеева А.Ю. Реляционный подход к значению и содержанию в ситуационной семантике // *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки*. 2018. Т. 13, № 4 (182). С. 94–110.
15. Korta K., Perry J. *Critical Pragmatics: An Inquiry into Reference and Communication*. Cambridge : Cambridge University Press, 2011.
16. Козырева О.А. О разграничении семантики и прагматики // *Философия науки*. 2022. № 4. С. 133–141.
17. Борисов Е.В. Теория коммуникации в духе Каплана // *Философия науки*. 2022. № 4. С. 142–148.
18. Моисеева А.Ю. Семантика с А-пропозициями: границы расширения // *Философия науки*. 2022. № 4. С. 149–160.

References

1. Koffa, J.A. (1991) *Semantic Tradition from Kant to Carnap*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Perry, J. (2012) *Reference and Reflexivity*. 2nd ed. Stanford, CA: CSLI Publications.
3. Barwise, J. & Perry, J. (1983) *Situations and Attitudes*. Cambridge, MA, London: MIT Press.
4. Barwise, J. (1989) *The Situation in Logic*. In: *CSLI Lecture Notes*. Vol. 17. Stanford: Center for the Study of Language and Information.
5. Perry, J. (2001) *Knowledge, Possibility and Consciousness*. Cambridge, MA: MIT Press.
6. Perry, J. (1993) *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays*. NY, Oxford: Oxford University Press. pp. 279–300.

7. Kaplan, D. (1979) On the Logic of Demonstratives. *Journal of Philosophical Logic*. 8. pp. 81–98.
8. Kaplan, D. (1989) Demonstratives. In: Almog, J., Perry, J. & Wettstein, H. (eds) *Themes from Kaplan*. Oxford: OUP. pp. 481–563.
9. Kozyreva, O.A. (2022) Some possible approaches to the problem of indexical reference. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 269–281. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/67/23
10. Borisov, E.V. (2022) Indexicals, Semantics, and Pragmatics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 67. pp. 292–298. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/67/26
11. Borisov, E.V. (2022) Semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty indeksikal'nykh vyrazheniy [Semantic and Pragmatic Aspects of Indexicals]. *Respublica Literaria*. 3(2). pp. 23–30.
12. Perry, J. (1993) *The Problem of the Essential Indexical and Other Essays*. NY, Oxford: Oxford University Press. pp. 53–64.
13. Barwise, J. (2003) Constraints, Channels, and the Flow of Information. *Situation Theory and Its Applications. CSLI Lecture Notes*. 37 (3). pp. 3–27.
14. Moiseeva, A.Yu. (2018) Relyatsionnyy podkhod k znacheniyu i sodержaniyu v situatsionnoy semantike [Relational Approach to the Meaning and Content in Situation Semantics]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 3. Obshchestvennye nauki*. 4(182). pp. 94–110.
15. Korta, K. & Perry, J. (2011) *Critical Pragmatics: An Inquiry into Reference and Communication*. Cambridge: Cambridge University Press.
16. Kozyreva, O.A. (2022) O razgranichenii semantiki i pragmatiki [On the Distinction Between Semantics and Pragmatics]. *Filosofiya nauki*. 4. pp. 133–141.
17. Borisov, E.V. (2022) Teoriya kommunikatsii v dukhe Kaplana [A Kaplanian Theory of Communication]. *Filosofiya nauki*. 4. pp. 142–148.
18. Moiseeva, A.Yu. (2022) Semantika s A-propozitsiyami: granitsy rasshireniya [Semantics with A-Propositions: Extension Limits]. *Filosofiya nauki*. 4. pp. 149–160.

Сведения об авторе:

Моисеева А.Ю. – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия). E-mail: abyssian03@gmail.com.

Information about the author:

Moiseeva A.Yu. – Cand. Sci. (Philosophy), research officer in the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation). E-mail: abyssian03@gmail.com

*Статья поступила в редакцию 12.07.2023;
одобрена после рецензирования 10.09.2023; принята к публикации 07.10.2023
The article was submitted 12.07.2023;
approved after reviewing 10.09.2023; accepted for publication 07.10.2023*